

Л. Э. Заварзина

Л. Н. ТОЛСТОЙ и П. Ф. КАПТЕРЕВ:
ВЗГЛЯД НА СВОБОДНОЕ
ВОСПИТАНИЕ

УДК 37(091)(470)
ББК 74.03(2)

В статье проанализировано понимание сути свободного воспитания «ранним» и «поздним» Л. Н. Толстым, а также представлена точка зрения П. Ф. Каптерева на сущность свободного воспитания (образования), заключающаяся в развитии индивидуальности обучающегося.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; воспитание; образование; свободное развитие; личность учащегося; П. Ф. Каптерев; развитие индивидуальности.

L. Zavarzina

L. N. TOLSTOY AND P. F. KAPTEREV:
THE VIEW ON FREE EDUCATION

The article analyses the content of free education by the “early” and “late” L. N. Tolstoy. The view of P. F. Kapterev on the essence of free education consisting in development of individuality of student is also represented.

Key words: L. N. Tolstoy; upbringing; education; free development; student's personality; P. F. Kapterev; development of individuality.

Желание уберечь детей от посягательства взрослых на целостность их физической и духовной личности, протест против принудительности образования, неоднозначность и неопределенность ответов на вопрос: «*Чему и как нужно учить?*»¹ — породило желание Л. Н. Толстого (1828–1910) создать новую педагогику. В журнале «Ясная Поляна», издававшемся в 1862 г., в частности, в статьях «О народном образовании», «Воспитание и

образование», «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» и др. он изложил свои педагогические взгляды.

Воспитание, писал Л. Н. Толстой, это «принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое»¹. «Воспитание, — продолжал он, — есть стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам»². Поэтому воспитание должно быть отвергнуто в угоду образованию. Образование же, по Толстому, есть

¹ Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1989. С. 208–209.

² Там же. С. 209.

свободное отношение людей, когда один приобретает сведения, а другой сообщает их. Единственный метод образования, подчеркивал Л. Н. Толстой, «есть опыт, а единственный критерий его есть свобода»¹. Яснополянский педагог также утверждал, что здоровый ребенок рождается уже «вполне удовлетворяя требования безусловной гармонии в отношении правды, красоты и добра, которые мы носим в себе... Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра», поэтому он нуждается лишь в обучении, а не в воспитании. Свободное воспитание представлялось Л. Н. Толстому процессом самораскрытия и самореализации этих высоких природных данных, заложенных в ребенке от рождения: в человеке есть все возможности, он есть «текучее вещество». Рождаясь совершенным от природы, человек «портится» под влиянием других людей, окружающей его среды. Поэтому Толстой-педагог выступал за право ребенка на свободное развитие на основе естественно складывающейся атмосферы сотрудничества и взаимопонимания между ребенком и педагогом, что должно было полностью исключать всякое принуждение и насилие над маленькой личностью. Воспитание как умышленное формирование людей по известным образцам неплототворно, незаконно и невозможно. Это является нравственным деспотизмом.

Однако педагогические взгляды педагога-радикала в течение его дол-

гой жизни подверглись немалой трансформации. Его убеждения на свободу образования учащихся и воспитательное влияние учителя в 60-е годы XIX века значительно отличаются от его поздних взглядов. Сначала яснополянский педагог придерживался мнения, что взрослые имеют право только предлагать обучающимся материал для обучения. При этом ограничение свободы учащихся заключалось в одном: они должны были принимать или отвергать то, что им предлагалось. Не имея возможности предлагать себе предметы обучения, дети оказались стесненными в выборе. Следующее ограничение свободы учащихся исходило от учителя, который был вправе увлечь их своей любовью к науке, избранной свободным желанием педагога, а не учащихся. Ученики имели единственную возможность сохранить свободу: «не увлекаться, когда их увлекают, так как их к этому никто не принуждает». В действительности, писал классик отечественной педагогики П. Ф. Каптерев (1849–1922), этот совет не выполним, поскольку, с одной стороны, незнающие и доверчивые дети, а с другой — прекрасные преподаватели, вооруженные наукой, любящие ее и стремящиеся увлечь ею детей. «Прямо физического принуждения здесь нет, — констатировал П. Ф. Каптерев, — но косвенное и психическое несомненно есть»². Понятно, что уже в статье «О народном образовании» (1874) Л. Н. Толстой писал, что граница «свободы сама собой

¹ Там же. С. 70.

² Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 490.

определяется учителем, его знанием, его способностью руководить школой; что свобода эта не может быть предписываема; мера этой свободы есть только результат большего или меньшего знания и таланта учителя»¹. И, наконец, в письме «О воспитании» (1909) Л. Н. Толстой отказался от разграничения между воспитанием и образованием, «а так как этому разделению он приписывал весьма важное значение, то перемена во взглядах оказывается значительной», — заключал П. Ф. Каптерев². Правда, Лев Николаевич писал, что свобода по-прежнему является необходимым условием истинного образования как для учащихся, так и для учащихся, но под «полной свободой» он разумел устранение угроз наказаниями и обещания наград. «Это маловато для свободного образования, особенно по сравнению с прежним его пониманием свободы образования», — парировал Петр Федорович Каптерев³.

Свободное образование не будет собранием произвольно набранных и бесполезных знаний, когда и учащиеся и учащие будут иметь общее основание. Таким основанием Л. Н. Толстой считал религию. Образование, основанное на религии, т. е. божественном откровении, в истине и законности которого никто не может сомневаться, должно прививаться народу, и насилье в этом случае, полагал Толстой,

законно. По мнению же П. Ф. Каптерева, выпускника Московской духовной академии, «Толстой впадает здесь в глубокое противоречие со своим основным положением о свободе образования и разрушает его в самом корне»⁴. Действительно, если школа объявит, что она допускает всевозможные предметы в качестве подготовки к лучшему усвоению религиозных истин, то она будет вправе принуждать к их изучению. «Толстой, — констатировал П. Ф. Каптерев, — оставил открытой такую лазейку, через которую при желании может быть проведена принудительность в любой школе и в какой угодно степени»⁵. Религиозно-нравственное учительство, которым Л. Н. Толстой так много занимался в последние годы своей жизни, привело его к полному почти отрицанию его педагогики 60-х годов XIX века. «Оказалось теперь, — резюмировал П. Ф. Каптерев, — что основу и цель образования определить можно, можно составить и учебный курс, и этот курс, составленный учителями, с религиозно-нравственным учением во главе, должен быть обязателен и для учащихся и для учащихся. <...> Вот к чему свелась свобода образования, право детей воспринимать или не воспринимать сообщаемые знания, верования и убеждения. Отвергнутое прежде воспитание как грубейшее насилье теперь прямо признается свя-

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Репринтное воспр. изд. 1928–1958 гг. Т. 17. М., 1992. С. 118.

² Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 491.

³ Там же. С. 492.

⁴ Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 479.

⁵ Там же.

ценнейшей обязанностью и учителя и ученика. Словом, пошла педагогика наоборот, педагогика не свободная, а принудительная, хотя и во имя нравственности и религии»¹.

Истинные последователи педагогического учения Л. Н. Толстого хотели взять под свою защиту его взгляды 60-х годов XIX века. Выступая против позднейшего Толстого, они полагали, что свободное развитие и воспитание на религиозных началах — две несовместимые вещи. Религиозное воспитание, как бы возвышено оно ни было, может воспитать только личностей, скованных «цепями невидимого рабства».

Положив в основу всего воспитания религиозно-нравственное учение лучших мыслителей мира от Будды, Моисея, Конфуция до Христа, Магомета, Руссо, Канта, Сквороды, Л. Н. Толстой «тем самым прочно спаял образование с культурой всего человечества, которую прежде отвергал. Общую культуру всего человечества в ее сущности, т. е. религиозно-нравственное учение о смысле жизни, он сделал теперь фундаментом всякого личного развития и образования, придал своей педагогике социальный характер, устранив прежние крайности индивидуализма», — заключал П. Ф. Каптерев².

Действительно, развитие, физический и духовный рост человека совершается не в изоляции от тех условий, в которых он живет. Л. Н.

Толстой, напомнил П. Ф. Каптерев, говорил о деспотизме и насилии при воспитательном влиянии учителя и школы. Но они слишком ничтожны по сравнению с теми могущественными воспитательными влияниями, которые оказывают на человека условия его физической и духовной жизни: климат, природа, народ, его язык, история. «Этот род влияний, — подчеркивал П. Ф. Каптерев, — особенно чувствителен в духовном отношении, благодаря ему передаются единице, индивидууму народная душа, народные воззрения и убеждения, религия, идеалы, способ мышления, речь — словом, им создается человек духовно, как влиянием страны и почвы — физически»³.

Образование — факт более свободный и изменчивый, чем воспитание, но и оно в значительной степени зависит от воспитания. Образование может оторваться от своей естественной почвы, даже противоречить воспитанию, оно может быть заимствовано у другого народа и насильно навязано своему, но все это ненадолго: народ или отвергнет чуждую его воспитательным идеалам образовательную систему, или же изменит и переработает ее, исходя из своего воспитания. Поэтому, писал П. Ф. Каптерев, «изменить отношения между воспитанием, образованием, поставить образование выше воспитания невозможно: влияние страны, и рода, и семьи во много раз сильнее влияния

¹ Там же. С. 492–493.

² Там же. С. 494.

³ Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 496–497.

школы, не школа руководит жизнью, а жизнь школой, почему *non shcolae, sed vitae siac*»¹.

П. Ф. Каптерев напомнил, что Л. Н. Толстой невысоко ценил педагогический опыт человечества, а между тем вся его деятельность прошла под влиянием этого опыта. К примеру, в Яснополянской школе преподавались те же учебные предметы, которые обыкновенно изучаются в школах: чтение постепенное и механическое, каллиграфия, грамматика, священная история, русская история, рисование, черчение, пение, математика, беседы из естественных наук, Закон Божий. Педагогическим опытом образованного человечества одними из лучших образовательных средств, годными для курсов всех образовательных школ, признаны язык и математика. Л. Н. Толстой принимал это положение и не раз утверждал, что требования русского народа относительно курса народной школы касаются русской и славянской грамоты и счета.

Педагогическая деятельность великого писателя земли Русской дала немало положительных результатов. П. Ф. Каптерев писал: «Толстой прав, настаивая на переоценке педагогических ценностей, на расширении опыта в педагогике, на превращении каждой школы в педагогическую лабораторию». Интересны, любопытны и актуальны воззрения Л. Н. Толстого на задачи педагогического

журнала. Но все это играет второстепенную роль по отношению к главному, стержневому положению педагогики великого художника слова, к обоснованию которого он направлял все свои усилия, а именно к тому, что «единственный критерий педагогики есть свобода». Но, разъяснял П. Ф. Каптерев, «осуществимость этого принципа не зависит от принятия тех положений, которыми мотивирует его в своей педагогической теории Толстой, а обуславливается соображениями другого рода»². Свобода образования — это не предоставление детей самим себе — пусть изучают, что и как им нравится — «свободное образование есть образование, соответствующее особенностям душевного склада детей, поддерживающее индивидуальность учащихся и чуждое принудительности», — подчеркивал автор «Педагогического процесса»³. Он также добавлял, что свободное образование «предполагает научное изучение детской природы, основательную оценку и группировку многообразных культурно-образовательных средств в соответствии с главнейшими видоизменениями детской природы, широкое и разностороннее образовательное влияние взрослых на детей, хотя и не прямое, не принудительное, а косвенное»⁴.

Итак, образование должно быть свободным прежде всего для развития и поддержания индивидуальности в

¹ Там же. С.497.

² Каптерев П. Очерки по истории русской педагогики. Л. Н.Толстой // Педагогический сборник. 1888. № 9. С. 239.

³ Там же.

⁴ Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 505.

образуемом. Образование, конечно, не может быть совершенно свободным: оно постоянно ощущает на себе влияние страны, истории, старшего поколения и т. д. Воспитательные влияния народа, государства, религии «уподобляют единицу массе», «делают отдельных людей простыми экземплярами одного типа», «образование же должно поддерживать индивидуальность учащегося, его самостоятельность и оригинальность, оно должно содействовать тому, чтобы народный тип отливался и выражался в самобытных личностях, имеющих на почве народных черт свою индивидуальную духовную физиономию. <...> При отсутствии индивидуальности жизнь замирает, начинается прозябание. Для поддержания индивидуальности образование должно быть свободным», — резюмировал П. Ф. Каптерев¹.

Л. Н. Толстой в своих статьях использовал слишком мрачные краски для написания картины школьного образования. Школьный страх, переживания — это, по мнению П. Ф. Каптерева, результат принудительной системы образования. Принуждение же является следствием, а не причиной. Дети учатся по принуждению потому, что обучение не соответствует их умственным способностям и запросам, не отвечает на то, о чем они спрашивают. Потребность знания и умственного труда — это реальная потребность нормального ребенка, такая же, как потребность бегать, играть. Если удов-

летворить соответственным образом умственную потребность, то, полагал П. Ф. Каптерев, всякое принуждение в обучении исчезнет. Прежде чем вести обучение конкретной личности, педагог, рекомендовал П. Ф. Каптерев, «должен узнать умственный и весь душевный склад личности и затем определить, какое сочетание образовательных средств в данном случае может быть пригодно». По мнению П. Ф. Каптерева, таких общеобразовательных сочетаний предметов может быть очень много, «столько, сколько будет отыскано и определено главнейших видоизменений умственного и всего душевного склада детей»². При этом исходная точка при определении состава общеобразовательного курса должна быть субъективной, а не объективной: «не то нужно вносить в курс, что умно и прекрасно само по себе, а то, что может хорошо развить и образовать умы учащихся, что соответствует естественным особенностям их умов»³. Благо, что культура может дать бесчисленное множество сочетаний общеобразовательных средств. Именно тогда, когда учащиеся будут изучать предметы, соответствующие по своему содержанию складу их ума, тогда можно будет говорить об истинно образованных людях. Такими, по мнению П. Ф. Каптерева, нельзя назвать тех, которые окончили хотя бы образцовую, но не соответствующую их способностям школу; у таких людей образование всегда будет

¹ Там же. С. 500.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 502.

чем-то внешним и чужим. Все, что приобретут такие люди от образования, будет только внешнее, костюм и лоск образованности, которые легко отбрасываются и стираются; жажды знания и умственного труда у таких людей не будет, она будет заглушена и подавлена. Истинно образованным человеком, полагал П. Ф. Каптерев, является «тот, кто развил и образовал свои способности соответствующими им по качеству и количеству упражнениями, у кого нет в уме двойственности, возникающей от того, что природа его ума влечет его в одну сторону, а проходимый курс в другую, который глубоко усваивает и проникается образовательными началами, сливается в одно целое с проходимым курсом и жажду знания сохраняет до гроба, а не до выпускного только экзамена.

Одним словом, истинное образование непременно соответствует способностям и состоянию ума учащегося, будет прямо служить развитию и укреплению индивидуальных свойств личности; образование, соответствующее личным свойствам и поддерживающее индивидуальность, сделает ненужным и излишним какое-либо принуждение»¹.

Л. Н. Толстой в своей школьной деятельности и теоретических суждениях наиболее близко из отечественных педагогов подошел к этой педагогической аксиоме. Завет Л. Н. Толстого о свободном образовании важен и для самого педагога. Воспитать свободную совесть и свободный разум может только тот человек, который сам имеет свободную совесть и свободный разум.

Список литературы

1. Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой. — М. : Педагогика, 1989. — 544 с.

2. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. — СПб. : Алетей, 2004. — 560 с.

3. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Репринтное воспр. изд. 1928—1958 гг. Т.17. — М., 1992.

4. Каптерев, П. Очерки по истории русской педагогики. Л. Н. Толстой / П. Каптерев // Педагогический сборник. — 1888. — № 9. — С. 209—240.

¹ Там же. С. 503.